

И.Ю. Виницкий

Светлана

Светлана — героиня одноименной баллады Жуковского, написанной, как и «Людмила», на тему «образцовой» баллады немецкого поэта Бюргера «Ленора» — возвращение жениха-мертвеца за своей невестой и их путь к гробу. Если «Людмила» явилась попыткой перенесения жанра европейской баллады в русскую литературу (с минимальной адаптацией заимствованного сюжета к национальной обстановке), то «Светлана» — попытка создания идеального национального характера, «русской души», какой ее видел и понимал поэт. Отличительные черты этого характера-души — чистота, кротость, покорность провидению, верность, нежность и светлая грусть. Для изображения своей героини поэт использовал фольклорные краски, стилизуя ее — в сентиментальном ключе — под девушку из народной песни или сказки.

Грустная Светлана гадает в крещенский вечерок у зеркала о своем милом. Появляется ее жених и говорит ей, что небеса укротились, ропот ее услышан. Он зовет ее за собой, сажает в сани и они едут по снежной степи. Светлана видит Божий храм, в котором кого-то отпевают. Наконец сани подъезжают к хижине. Кони и жених исчезают. Героиня, перекрестившись, входит в дом и видит гроб. Из него встает мертвец и тянет к ней руки. Но Светлану спасает чудесный голубок, закрывший ее крыльями от страшного призрака. В последнем героиня узнает своего милого и — пробуждается. В финале появляется живой и невредимый жених. Герои соединяются и играют свадьбу.

Образы и сюжет «Людмилы» («Леноры») переосмысляются в «Светлане»: явление мертвеца невесте оказывается страшным сном-обманом (жених не умирал, привидевшийся во сне призрак, очевидно, демон-соблазнитель, против которого героиню оберегает евангельский голубок), снимается важный мотив вины героини (для появления страшного жениха Светлана не давала никакого повода); балладная смерть героев оборачивается их счастливым соединением. Образ Светланы полемически противопоставлен Жуковским как Леноре Бюргера, так и близкой к последней Людмиле. Для понимания этого образа важно, что Светлана воспринималась современниками на фоне Людмилы и это соотношение двух героинь входило в авторский замысел. Грустная Светлана, в отличие от отчаявшейся Людмилы, не ропщет на судьбу, не зовет на суд Творца, но молит «агела-утешителя» утолить ее печаль, она набожна и безгрешна. Поэтому темные силы не властны погубить ее чистую душу. Неумолимый рок уступает место благому Провидению.

Герои «страшных» баллад Жуковского — всегда «страдальческая сторона», они не имеют никаких шансов на спасение, все, что должно произойти, произойдет: казнь свершится, предсказание сбудется (Людмила ропщет на небеса — кара закономерна и неминуема; Кассандра знает свое страшное будущее и не властна его изменить). Такие герои — жертвы своего греха или сверхъестественного дара. В «Светлане» — все наоборот: героиня невинна, «вещий сон» не сбывается (совершенно исключенное как для балладного жанра, так и для фольклорного, святочного, истолкования сна решение!); стихотворение заканчивается свадьбой героев. Балладная логика разрушается, счастливый, сказочный, финал опровергает традиционную схему. Светлана — небалладная героиня, помещенная волею автора в чуждый ее природе жанровый мир: традиционные для баллады ужасы — лишь испытание ее веры. Ее светлая душа оказывается сильнее ночного мрака, вера и любовь вознаграждаются. Само имя героини имеет не свойственную для жанра этимологию: оно задает в стихотворении тему света, противостоящего балладной тьме и побеждающего ее (не случайно баллада «Светлана» заканчивается

ранним утром, в то время как действие «Людмилы» (и «Леноры») не выходит за пределы ночи).

Светлана — один из важнейших для Жуковского поэтических образов, связывающий воедино его судьбу и творчество. Жуковский посвятил эту балладу А. Протасовой (в замужестве Воейковой), которую называл «своею музою, вдохновлявшей его на поэтическое настроение». Имя «Светлана» стало литературным именем этой женщины — адресата многих стихотворных посланий как Жуковского, так и Н. Языкова, И. Козлова. Этим же именем называли в шутовском литературном обществе «Арзамас» самого поэта. Спустя годы его друг П. Вяземский вспоминал слова поэта о том, что полученное им при арзамасском «крещении» имя оказалось пророческим: Жуковский был «Светланой не только именем, но и душою» (восприятие героини Жуковского как портрета его души характерно для друзей поэта; подобную аналогию души автора и его героини, но уже по отношению к Пушкину, применил В. Кюхельбекер: «Татьяна — это Александр»). Имя Светлана стало для Жуковского и его друзей символическим обозначением особого мирозерцания и мироощущения, «светлой» веры, призванной осветить своим присутствием мрачную существенность жизни, своего рода чудесным талисманом, защищающим от злых сил.

Пушкин использовал «молчаливый и грустный» образ Светланы для характеристики своей героини Татьяны («Евгений Онегин», гл. 3, строфа V). Мотивы сна Светланы преломляются во сне Татьяны (Пушкин как бы возвращается к балладно-фольклорному отношению ко сну — трагическое предсказание сбывается, Ленский гибнет). Образ Светланы имеет бесчисленное число литературных отголосков: он стал одним из центральных образов русского пантеона героев.